

Глава первая

Шёл сорок третий год эпохи Цзиншэн. Зима, тринадцатый день двенадцатого лунного месяца.

С небес крупными, точно гусиный пух, хлопьями валил снег, укутывая землю белым саваном. В обнесённом плетёным забором дворике сугробы выросли уже чуть ли не на фут. Свежий и рыхлый, он неохотно расступался под ногами: стоило сделать шаг, как ступня уходила по щиколотку, а влага мгновенно пропитывала штанины.

Сы Вэй стоял посреди двора, отрешённо глядя на разгул стихии. Завывал яростный северный ветер, взметая колючую снежную крупу; она кружилась в воздухе, подобно тонкой кисее или густому туману, а затем с тихим шорохом билась о крыши и деревянные рамы соседских домов.

В маленьком очаге, пощёлкивая, неохотно горел сосновый лапник. Сырые ветки то и дело с треском выстреливали искрами и исходили едким серым дымом — верный знак того, что дрова отсырели, но их всё же попытались разжечь.

В глиняном горшке над жаровней давно бурлило густое, чёрное варево. Дождавшись, пока целебный отвар выпарится до объёма одной чаши, Сы Вэй аккуратно перелил горькое снадобье. Отработанные травы выбрасывать не следовало: их предстояло заварить ещё как минимум дважды, чтобы выжать все полезные свойства до последнего — только так можно было говорить о бережливости.

Подбросив в топку горсть щепок, он водрузил на плиту глиняную кастрюлю. В ней, залитая доверху водой, сиротливо покоилась на самом дне жалкая горстка проса — едва ли больше, чем поместилось бы в детской ладони. Оставив кашу вариться, Сы Вэй осторожно подхватил чашу с отваром и направился в дом.

Лачуга их была неказистой: саманные стены да соломенная крыша. В уезде Цзю дули такие ветры, что за три-четыре дня от соломы не осталось бы и следа. Хорошо ещё, Сы Вэй до первых снегов успел замесить глину с соломенной сечкой, тщательно обмазал кровлю, а сверху уложил тяжёлые ветки, накрепко привязав их пеньковой верёвкой.

Притворив за собой входную дверь, он отвёл в сторону тяжёлую рогожу, за которой висело старое ватное одеяло, преграждавшее путь сквознякам, и шагнул в полумрак.

Когда глаза попривыкли к темноте, он уверенно зашагал в правый угол, где стояла постель. Называть эту каморку спальней было бы слишком большим преувеличением. Вся их глинобитная изба представляла собой обычный вытянутый прямоугольник. Посередине — грубо сколоченная деревянная дверь, по бокам — два оконца. Внутри пространство делили две наспех сложенные перегородки. Вот и всё жилище: проходная горница да две каморки по краям.

В восточной части ютился сам Сы Вэй: там стояли его топчан и несколько сундуков со всяким

хламом. Дверной проём заменяла обтрёпанная циновка.

Средняя комната — горница — зияла пустотой. Лишь у дальней стены высился потемневший вязовый комод в половину человеческого роста. На нём сиротливо примостились поминальные таблички предков да крошечная, с ладонь, курильница. Благовония в ней давно истлели: затянувшаяся нужда не оставляла времени для почитания мёртвых. Всю прочую обстановку составляли хромой квадратный стол да пара простых скамей, но за последние годы к ним почти не прикасались.

Придерживая горячую чашу одной рукой, Сы Вэй другой опёрся о стену, отодвинул занавеску и скользнул в западную половину дома, где лежала его мать, госпожа Ю.

Здесь было заметно светлее. Чтобы спастись от сквозняков, Сы Вэй пошёл на хитрость: принёс с реки ледяные глыбы и, поливая их студёной водой, выстроил снаружи оконной рамы подобие прозрачной стены. Ледяной панцирь не пропускал леденящий ветер, но исправно давал свет.

Поставив обжигающую чашу на табурет, он подул на покрасневшие пальцы и тихонько позвал:

— Матушка, время пить лекарство.

Лежащая на постели женщина едва заметно зашевелилась. Она открыла мутные, застиранные болезнью глаза и не сразу сфокусировала взгляд. В её зрачках отразился силуэт ребёнка — на вид лет восьми-девяти, одетого по-девичьи. Личико у Сы Вэя было смуглым и худым, со всеми признаками недоедания. На голове красовались два забавных девичьих пучка, но даже эта нехитрая причёска не могла скрыть сухости и нездоровой желтизны его волос.

На измождённом лице женщины проступило подобие улыбки. Говорила она едва слышно:

— Дитя моё... Видно, милостивы боги, раз я сподобилась прожить ещё один день.

Сы Вэй молча поправил подушку за спиной матери. Собрав все свои детские силы, он помог ей приподняться, а затем принялся помешивать ложкой темную жидкость в чаше.

Стужа брала своё: пока он возился, целебный отвар успел немного остыть. Он всё ещё обжигал губы, но пить его уже было можно. Сы Вэй молча, ложку за ложкой, поил больную. К тому моменту, когда на дне ничего не осталось, глиняная пиала в его руках сделалась едва тёплой.

Он промокнул губы матери чистой тряпицей и потеплее укутал её лоскутным одеялом.

— Матушка, не засыпай пока. Я сварил просяную кашицу, нужно съесть хоть немного.

Госпожа Ю откинулась на подушки и бессильно покачала головой:

— Сынок, а проса-то в доме... поди, совсем не осталось?

Её голос хрипел, дыхание было тяжёлым, горячим от жара, но рассудок оставался ясным:

— Как ни экономь, а до конца декады нам не дотянуть. Напрасно ты утаиваешь от меня правду.

Сы Вэй смолчал. Мать права: до того как слечь, она сама вела скудное хозяйство и прекрасно помнила, сколько зерна оставалось на дне ларя.

подавив вздох, он заставил себя улыбнуться:

— Не беспокойся об этом, матушка. Вчера я ходил в город и нанялся на работу. Буду получать целый цянъ серебра в месяц.

При этих словах госпожа Ю поперхнулась воздухом и зашлась в сухом, надсадном кашле. Её восковое, с прозеленью лицо пошло багровыми пятнами. Когда приступ утих, Сы Вэй заметил на сером платке, который она прижимала к губам, свежие алые капли. Кровь быстро впитывалась, расплываясь по грубым нитям ткани.

Женщина, не обращая внимания на неё, мертвой хваткой вцепилась в его тонкое запястье. Она тяжело, со свистом дышала, тревожно вглядываясь в лицо сына:

— Какая... какая ещё работа? В твои-то годы... что ты можешь? Ты... неужели ты подписал договор о продаже в рабство?!

Наёмная работа по уговору — будь то на долгий срок или на пару недель — дело обычное. Но продать себя в рабство означало навеки вписаться в рабский реестр, добровольно лишиться звания человека. Без милости хозяина такой человек приравнивался к тягловому скоту: его могли продать, избить до смерти или замучить непосильным трудом.

Сы Вэй поспешил успокоить мать, мягко поглаживая её по спине, чтобы облегчить дыхание:

— Ну что ты, матушка, вовсе нет. Да и кто у такого недоростка, как я, согласится принять дарственную на душу? Скоро Новый год, и в «Башне Широких вкусов» не хватает рабочих рук. На кухню срочно требовался помощник — чистить и промывать потроха. Сама понимаешь, возиться на морозе с вонючими свиными желудками да бараньей требухой желающих мало. К тому же сейчас самое время для заготовки сыровяленых колбас. Хозяину нужно запастись ими не только для трактира, но и отправить часть в усадьбу — на подарки родне к празднику.

Сы Вэй слегка улыбнулся:

— Мне просто повезло. Я ведь ходил к лекарю за новой порцией трав для тебя, а по дороге

наткнулся на управляющего «Башни Широких вкусов». Он как раз отбирал прислугу, да всё без толку: то работник слишком стар, то у него вороватый вид, то норовит сразу к плитам пробраться, чтобы выведать поварские секреты. Оглядел он толпу, заметил меня и спросил, не соглашусь ли я за цянъ серебра в месяц взяться за грязную работу. Я и согласился.

Заметив, что тревога на лице матери улеглась, он продолжил:

— Договор короткий, только до праздников. Опытные кухарки за такую работу не берутся, а те, кто посмелее, идут туда ради учения, надеясь перенять у шеф-повара пару приёмов. Но повара чужаков на кухню не пускают. Вот и вышло, что я со своей девичьей одеждой да малым ростом показался хозяину самым безобидным и дешёвым работником.

Тихий, размеренный голос сына подействовал успокаивающе. Лихорадочный румянец сошёл с её щёк, и она бессильно опустила обратно на постель. В глазах госпожи Ю промелькнула глубокая, горькая печаль. Она слабо погладила его по руке:

— Ну слава богу... слава богу. Да только каково тебе, сынок, в лютую стужу возиться в ледяной воде? Всё из-за меня, обузы...

Сы Вэй осторожно прижал её ладонь к груди, пресекая жалобы. В его тихом голосе звучала недетская твёрдость:

— Тебе нужно поправляться, матушка. Станет тебе легче — и у меня гора с плеч свалится.

Она замолчала, уставившись невидящим взглядом в потолок.

— Не жилец я, сынок. Полгода уже хвораю, всё дочиста из дома вынесли, заложить больше нечего. С моей чахоткой да в такие холода... не выкарабкаться мне. А давеча отец твой мне привиделся. Точь-в-точь такой, как в день кончины... Только одет в багряный халат. Стоит у телеги, запряжённой волом, и манит меня за собой.

Она тихо бредила наяву:

— Снадобье это допью, а ежели жар опять воротится... Сдаётся мне, это конец. Ты, Вэй-эр, должен позаботиться о себе. Чэн Саньлан этот... он ведь не знает, что под девичьим платьем скрывается мальчик. Ходит тут, охаживает тебя, сласти носит... Работа в городе — дело хорошее, да только цянъ серебра — небольшие деньги. Надолго их не хватит. Береги каждый медяк. Будь ты девкой настоящей, я бы тебя сосватала поскорее. Нрав у тебя спокойный, рассудительный — пристроила бы в приличную семью, и сердце бы не болело. Как в народе говорят: «Выйти замуж — значит обуться да наестся». Хоть какая-то опора. Но ведь ты... Господи, если я умру, как ты один на всём белом свете выживешь? Как мне уходить со спокойной душой?

Сы Вэй мысленно вздохнул. Он понимал: пока ему не удастся исправить запись о поле в Реестре домохозяйств в управе, мать так и будет изводить себя до самой смерти.

Он попытался перевести всё в шутку:

— Полно тебе, матушка, не загадывай так далеко. Доживём до весны, а там видно будет. Кто знает, что переменится? Вдруг Его Величество снова затеет войну и объявит новый рекрутский набор? Тогда всем несладко придётся, не нам одним. Ты пей лекарство да поправляйся. Кто же, кроме тебя, обустроит мою судьбу?

Госпожа Ю лишь слабо улыбнулась уголками губ:

— Ладно... не буду больше о грустном.

Сы Вэй молча помог ей устроиться поудобнее, укрыл по самые плечи и, забрав пустую пиалу, вышел наружу.

В сенях ему в лицо сразу ударил колющий морозный воздух. Сы Вэй остановился у порога, всматриваясь в свинцовое, сочащееся снегом небо, и наконец тяжело, со свистом выдохнул скопившееся в груди напряжение.

В прошлой жизни он был сиротой, выросшим в детском доме. Там выживали зубами: в детстве дрались за каждую корку хлеба, а повзрослев — прогрызали себе путь наверх, к лучшей доле. Он пробивался сквозь жизнь наощупь, падал и поднимался, привыкнув прятать обиды глубоко в душе и молча глотать слёзы. В этом мире у него наконец-то появился близкий человек, но сама жизнь оказалась неизмеримо тяжелее, чем прежде.

С момента перерождения прошло восемь лет. Конечно, Сы Вэй пытался использовать знания из прошлой жизни, чтобы разбогатеть. Но что мог сделать ребёнок в глухой провинции? Даже пресловутое мыло сварить не получалось: здешние свиньи, которых никто не кастрировал, пахли так невыносимо, что тошнота подступала к горлу. К тому же из-за скудного корма они щеголяли такой худобой, что жира в их тушах почти не водилось. Но даже если бы жир и нашёлся... В крестьянских семьях мясо видели раз в год, на праздник, да и то крошечный кусочек с ладонь. С чего бы им переводить драгоценное сало на баловство вроде мыловарения?

Сы Вэй пробовал разводить кроликов — те плодились с бешеной скоростью, принося приплод каждые три месяца. Вот только в современном мире их держат в клетках из прочной металлической сетки. Его же питомцы мигом прогрызли хлипкие деревянные ящики, раскопали землю под стеной и разбежались. Остался лишь один ленивый кроль, который растолстел настолько, что попросту застрял в лазе. На этом кролиководство и закончилось.

Тогда он переключился на кур. Днём гонял их в лес склёвывать мошек, вечером чистил курятник. Дело понемногу пошло на лад: яиц хватало и для матери — чтобы хоть как-то поддержать её силы, — и на продажу. Сы Вэй начал откладывать первые сбережения...

Но грянула летняя буря. Госпожа Ю вымокла под проливным дождём, сильно простудилась, и эта болезнь быстро переросла в тяжёлую чахотку. Визиты врачей и бесконечные мешки с травами подчистую выгребли всё, что удалось скопить за четыре года упорного труда — все пять лянов серебра улетели как не бывало.

Один лян — это десять цзяней, а один цзянь — сотня медных монет. Сбережения от продажи кур, жалкие медяки, вырученные матерью за ткачество и вышивку... Всё это богатство, собиравшееся годами, утекло сквозь пальцы, словно внешняя вода.

<http://bllate.org/book/18280/1756685>